

М.Э. РУТ

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'27
ББК Ш107

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФИЛОЛОГА: ИЗВИЛИСТЫЕ ТРОПЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ АССОЦИАЦИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются лингвокреативные практики коммуникации в сфере создания окказиональных номинаций членами филологического сообщества. Выявляются прецедентные смыслы как глубинный слой ассоциативного контекста слова.

Ключевые слова: языковая личность, языковая игра, номинативная компетенция, игровая коммуникация.

Широкий литературный и общекультурный кругозор во многом обуславливает специфику индивидуального языкового творчества филолога, стремящегося к нетривиальному воплощению своих впечатлений о мире в речевой деятельности. Разумеется, это нередко находит отражение в создании окказиональных номинаций, часто исчезающих, как мотыльки-однодневки, но иногда достаточно прочно закрепляющихся в узусе.

Окружающие нефилологи не всегда улавливают логику развития ассоциативных связей, реализующихся в высказывании. Ср., например (приносим извинение за длинную цитату):

«Тимофей смотрел на нее во все глаза, но заговорить не решился. Потом он все-таки робко спросил, как зовут вторую сестру.

– Даша, конечно! – воскликнула императрица с непонятным ему энтузиазмом. – Как ее еще могут звать? Если старшая Катерина Дмитриевна, то младшая может быть только Дарьей Дмитриевной!

Из чего следовало, что младшая может быть только Дарьей Дмитриевной, Тимофей не понял. Начиная раздражаться, он смотрел на бабушку, ожидая пояснений, и тут ему на помощь пришла Катерина мать.

Наклоняясь, чтобы поставить перед ним тарелку с картошкой, она сказала весело:

– Это Алексей Толстой, помните? “Хождение по мукам”. Две девочки, Катя и Даша. Катерина Дмитриевна и Дарья Дмитриевна.

Не помнил он никаких “хождений” Алексея Толстого! Был какой-то Толстой, он написал про то, как тетка под поезд угодила, или что-то в этом роде. А на него смотрели так, как будто он обязан это

знать, а он не знал» (Т. Устинова. Персональный ангел).

Естественно, ассоциативная связь, почти неизбежная для семьи начитанных интеллигентов, настолько непонятна герою-олигарху, что вызывает у него испуганное раздражение. В аналогичную ситуацию нередко попадают и реальные собеседники реальных филологов, ср. (здесь и далее – записи автора):

В Петербург она, видите ли, хочет! Этакая сестричка литеро-стремительная! – Какая сестричка? – Чеховская. – В каком смысле? – привычная ассоциация с чеховскими тремя сестрами, которые рвутся в Москву, не встречает у собеседника понимания;

Не осуждай ты ее. Тоскливо ей, вот и бросается куда ни попадя. – От злой тоски не боварись! – Что-что? – Ну, я имею в виду, что не надо вести себя, как госпожа Бовари. – А это кто?;

А где эта... Манон Леско? – По твоей интонации догадываюсь, что это нехорошее слово. – Я самое хорошее как раз выбрала. – А если не выбирать? – А я выбираю. Могу сказать еще Кармен Мериме. – Ну, я уже запуталась...

Характерно, что многие литературные ассоциации, именно в силу своей привычности, часто скрывают весьма существенные звенья ассоциативной цепочки, держась за формальные, чаще метонимические связи. Вот пример такой формальной, но основанной на литературном контексте ассоциативной номинации. На обводном канале Белого озера стоит памятник графу Клейнмихелю, под чьим руководством этот канал строился. Студенты второго курса филфака, приехавшие в Вологодскую область на практику, гуляя по Белозерску, говорили друг другу: *Ну, теперь пойдём к душечке* – имея в виду этот самый памятник. Ассоциативная номинация опирается на эпитафию к «Железной дороге» Н.А. Некрасова, хотя, как известно, само обращение *душечка* к графу Клейнмихелю отношения не имеет.

Аналогичная ситуация видится в следующем примере: черноволосого курчавого невысокого первокурсника, естественно, попытались прозвать *Пушкиным*, на что он ответил: «Нет, я не Байрон, я другой» – и получил прозвище *Байрон*, закрепившееся на всю жизнь.

Наконец, приведем пример номинации из языка болельщиков снукера (вид бильярда): поклонников молодого и перспективного игрока Джадда Трампа прозвали *трамплиерами* (формальная ассоциация с *тамплиерами* не вполне литературна, но ведь они нам известны прежде всего по роману Вальтера Скотта «Айвенго»).

Возможны и собственно семантические упрощения и сдвиги:

А где у нас NN? – Она не придет. Сказала, что доклад у нее плохой и делать его она не будет. – Нет, вы посмотрите на эту унтер-офицерскую вдову! Она одна знает, какой у нее доклад! (как известно, унтер-офицерская вдова самокритичностью уж никак не отличалась, и

ассоциация зиждется на высказывании «сама себя высекала», принадлежащем Городничему);

Молодой человек, Вы покушаетесь на мою земную славу! Вас, случайно, не Жорж зовут? – Зовите меня Эдмон! (обыгрываются имена «тезок» – Жоржа Дантеса в вполне закономерном, хотя и шутливо использованном значении ‘губитель гения’ и Эдмона Дантеса, графа Монте-Кристо, для которого более органичным было бы значение ‘благородный мститель’, однако в данном случае «работает» лишь общая положительная оценка);

Если я захочу, он сделает то, что я скажу. – Только не надо строить из себя леди Винтер! (имя шпионки кардинала используется в значении ‘роковая обольстительница’, хотя образ миледи этим далеко не исчерпывается и автор реплики далек от приписывания всего комплекса черт авантюристки своей собеседнице).

Выпрямление образа естественно при спонтанных репликах, когда ассоциативный ход высвечивает лишь одну черту исходного образа, не успевая «протестировать» его в целом. Однако нередко в диалоге рождаются комплексные ассоциации, глубоко проникающие в исходный материал. Приведем примеры, представляющие, на наш взгляд, именно такие решения.

Ты будешь Раневской (распределяются роли в пьесе «Вишневый сад»). – *А можно я буду не Любовью Андреевной, а Фаиной? – Лучше будь Раневской в роли Раневской.*

«Мы все глядим в Наполеоны...» – Никуда он не глядит. Он просто старается быть Цезарем. Хотя Бернарда Шоу не читал.

Мне кажется, учитель должен быть Пигмалионом. Но это не Пигмалион Овидия, и не Пигмалион Шоу – один полагается на божью волю, а другой работает на самого себя. Он должен быть другим, но результат должен быть тот же. – Он должен быть Мариусом Лиепой.

Почему среди наших олигархов нет Сомса Форсайта!? – Это что, твой идеал предпринимателя? – А что? Он честен, предприимчив, любит искусство. Ну, а остальное Голсуорси придумал, чтобы его очернить. И то его только на одну книгу хватило.

Он хороший поэт? – Как Владимир Ленский. Пишет «темно и вяло». Но человек хороший.

Давайте все-таки отличать трубача Булата Окуджавы от трубача Михаила Щербакова. Каждому времени свой трубач. – У Окуджавы трубачом Данко служит, а у щербаковского сердце вполне на месте.

И вот из последнего акта «Вишневого сада» мы попадаем в первый акт «На дне». Такова наша урфушная действительность.

Как уже говорилось, подобные ассоциативные номинации весьма

недолговечны, тем более что чаще всего они носят предикативный характер. Конечно, они возникают не только в речи филологов, о чем свидетельствуют многочисленные записи лингвистов, и прежде всего «Словарь коннотативных собственных имен» Е.О. Отина (Донецк, 2004). Многие исходные окказионализмы превратились во вполне узуализированные лексические единицы типа *Дон Кихот*, *Дон Жуан*, *Собакевич* и т.п. Но процесс не просто продолжается – он не прерывается, постоянно порождая новые единицы, среди которых какие-то в очередной раз обогатят лексическую систему.

© Рут М.Э., 2012